

Глава 43 Фейерверк звучит как год назад

Двадцать девять месяцев, ночь.

Чжан Сяобао и Ван Хао лежали на осле. Рядом с гранатом все еще лежали два человека. Все трое были слепы и не спали.

«Сяо Бао, завтра Новый год, нам год, старость, у тебя есть какие-нибудь мысли?» Ван Хао не мог уснуть, и глаза смотрели на крышу со светом в доме.

«Не знаю, в Новом году пройду. Я к этому привыкла. Ты должна прислониться ко мне, не прилипай к стене, огневая стена там горячая». Чжан Сяобао не спал, думая о других вещах, сегодня полдень. Новости пришли из того места, где находился окружной магистрат округа Саньшуй. Последний огурец был продан по сто пятьдесят центов за килограмм. Предполагается, что он будет продан во второй половине дня.

Это можно расценивать как зарабатывание денег. В будущем будет более трехсот серебряных монет. Огурцы не белые, а деньги за травяные занавески, которые кладут в зад, всего в двадцать семь, восемьдесят два, десять раз больше прибыли. На Чжуанцзы есть и другие места, которые отправляются, не так уж и мало.

Ван Хао тоже чувствовал, что его бок горячий. Он перешел к Чжан Сяобао и сказал: «Я ничего не сказал о ваших мыслях о Новом году. Я сказал, что у вас есть какие-то мысли о Чжуанцзы в следующем году. Пришло время подвести итоги. Правильно».

«Ну, у меня есть идея. Этот год особенный, гармоничный год. Усилиями всех людей Чжуанцзы Чжан и Ван Чжуанцзы добились хороших результатов в строительстве духовной цивилизации и строительстве материальной цивилизации. Чжуан всегда был...»

"По правде говоря." Ван Вэй увидел, как Чжан Сяобао сказала такие слова, нетерпеливо прервав ее, она слишком много слушала, уже оцепенела.

«Реальная вещь слишком сложна, нет денег, в следующем году я должен подумать о некоторых путях». Чжан Сяобао прикинул свои деньги, а некоторые морковки могут получить тысячу восемь или две серебра, соевое масло продается почти в эти дни. Острый соус прекратился только вчера, и все они были куплены людьми, которые хотели прожить хороший год.

В целом наличных на руках 1600 и 780, и многие люди не могут заработать их за всю жизнь. Но это не может сделать вас удовлетворенным. Вам нужно построить дорогу в следующем году, спланировать место и купить много. Вещи, плюс деньги правительства, меньше быть не может, я слышал, что кто-то проверит землю в следующем году.

"Это мысль об этом?" Ван Хао помог Чжан Сяобао разбить место на шее.

Сам Чжан Сяобао переехал. На северо-западе это нехорошо. Зимой глохнет. Он сжигает больше людей. Сверху холодный ветер. Обе стороны грешны. Комната все еще освещена печкой, чтобы повысить температуру. Я все еще чувствую, что есть акции, которые не знают, откуда дует ветер.

"Скажи, что хороший способ думать об этом?" — настаивал Ван Хао.

"Другого пути нет. Весной, когда все будут заняты, я собираюсь устроить себе рынок на месте Сяоцяо. На нашем складе много вещей. Я буду каждый день что-то вынимать и ставить там для двух Zhuangzi. Обмен людей, обмен вещами может продолжать обмениваться.

Все должно быть оценено людьми в нашем дворе, обменено на ту же стоимость, иначе оно будет дополнено другими деньгами, и некоторые люди придут в соседний Чжуанцзы до тех пор.

«Тогда вы собираетесь собирать налоги? Разве это не нормально?» Ван Хао слушал Чжан Сяобао, когда тот мало-помалу говорил это, и внезапно вмешался.

«Какой налог взимается? Пока рынок растет, у нас есть ценовая власть, тогда мы можем получить много преимуществ. Мы можем покрыть несколько небольших складов и сдать их им в аренду. Мы обеспечиваем защиту. также получите два небольших места в этом месте. Чайные киоски или закусочные, как вы можете заработать очки, больше денег и не нужно слишком беспокоиться».

Голос Чжан Сяобао постепенно ослабевал, он казался сонным, и он почти такой же.

Ван Хао, кажется, заражен в целом, затем последовал зевок, вздох головы, полагаясь на то, что Чжан Сяобао тоже спал, просто тема была улажена.

Гранат и одежда лежали, смотрели, как маленький сын наконец уснул, встал и проверил, не дымит ли снаружи вытянутая печь, брызнул водичкой на соединенное место, смотрим, не появились ли пузыри. Это безопасно, повернулся и вышел из дома.

Я вышел и посмотрел на двоих, которые все еще сидели вместе и читали книгу. Я сказал, чтобы я больше обращал внимание на печку ночью, потом я вернулся, чтобы лечь и уснул.

Округ Саньшуй, место, где округ расположен за Туен Муном.

Чэн Линсян вздремнул у него на руках и какое-то время не мог уснуть. Он прикинул, какую помощь он может получить от разосланного огурца. Он продал огурец за несколько дней. Весть уже долетела до ушей народа, но нет никого, кто послал кого-то спросить, а представленные документы не ответили на присутствующих, как будто тонули в море.

«Хозяин, огурец вкусный, не давай его другим людям, останемся». Немного хитрое лицо Чэн Линсян все еще сохраняет румянец после страсти и протягивает руку, постоянно прижимая тело Чэн Линсян. Сказал двигаться.

Чэн Линсян морщит брови: «Женщины-даосы знают что? Не посылайте, не посылайте меня в будущую поездку, чтобы найти, где?»

Сяо Ян тоже честен, больше не спрашивает об этом аспекте дела. "Это еще мастер. Продаю огурец, который не стоит таких денег по такой цене. Ну и другие вещи тоже очень хороши."

Это хвастовство, Чэн Линсян коснулся гладкого тела Сяо Янь и немного хотел пошевелиться, один перевернулся, и страсть появилась снова.

На следующее утро люди, разославшие указ Чэнсяня, отправились с тяжелым серебром. Сегодня на улице очень много людей. Я хочу взять утро и купить кое-что, что я еще не приготовил. В семье еще есть люди, которые еще не готовы, и им не терпится попросить людей написать.

Когда Чжан Сяобао и Ван Хао встали, люди в доме были заняты, особенно в том месте, где сажали огурцы. Люди во дворе взяли огурцы с росой и отложили их в сторону, готовые немного подождать. Его прислала семья Чжуан.

«Это Новый год, или здесь оживленно. Я не знаю, возвращаюсь ли я назад или к вам домой».

Ван Хао и Чжан Сяобао больше не едят молоко, они могут выпить кашу, а затем съесть два соленья, приготовленные с тофу, организму нужно достаточно питательных веществ, подумайте о Новом году, Ван Хао не знал, как устроиться.

"Согласно здравому смыслу, ты должен вернуться. Есть исключения из здравого смысла. Они не означают, что они не могут расстаться, когда могут открыть глаза вместе. Они плачут, когда их разлучают. Ты был у меня дома в этом году. Нет, туда и обратно три ночи.

Чжан Сяобао знает, что имеет в виду Ван Хао. Он хочет проводить время с самим собой в то же время. Это полный отказ от прошлого. Он так думает. Отсюда и до конца они обречены на совместную работу.

«Ну, так и сделай. Когда вторую корову вышлют? Это тоже торжественный случай, когда пятнадцать». Ван Хао втянул в рот костный мозг и кивнул.

"Пятнадцатый нельзя, уже поздно, шестой день, теперь тяжелее. После этого лучше. Найди место, вытащи майфан камень назад, засунь его в землю, когда откроешь землю, и посмотри, как на выходе является." Чжан Сяобао поставил последний Выпивая кашу, решил.

В Новый год природа отличается от обычной. Чжан Ван занят экономкой. Ему некогда смотреть на своих детей. Во дворе члены семьи Чжуан, и людей явно меньше. Они рассматривают одного человека как нескольких. Бывало, полный двор велено было развернуться, один за другим устал и не хотел уходить, но лицо было полно радости.

Чжан Сяобао и Ван Хао сегодня поели и не занимались спортом. Они разделили десятки петард, приготовленных за несколько дней, и отправили их семье Ван. Они также последовали за гранатом.

Время шло медленно в ожидании бесчисленных людей. Чжан Сяобао вымыл покрытые руки в тазу. Даже если пельмени были завернуты заранее, ложитесь спать ночью, ложитесь спать ненадолго, и наберитесь силы воли. Организм ребенка недостаточно хорош.

С приближением вечера все домочадцы разводили огонь снаружи дома, доставали приготовленные бамбуковые плоты, бросали их внутрь и звонили, а немного обеспеченные люди подкладывали немного соли, чтобы звук был громче.

Чжан Ван и двое также приготовили много бамбука. Чжан Сяобао сначала отправился к семье Ван. Он вернулся на эту сторону и увидел, как кто-то бросает бамбук в огонь. Он также вынул пять висящих кнутов и сегодня вечером поставил три. Вешать, ставить все это завтра в полдень и ночью, а еще надо сделать это в это время, оставив пятого и пятнадцатого.

Чжан Ванши, Чжан Фу, старушка и старик тоже стояли во дворе, слушая звук, держа двоих детей на руках, наслаждаясь семьей, ожидая, пока гранат зажжет петарды, и облизывая уши, чтобы сбежать. Семья была поражена, когда слышались более громкие звуки.

Чжан Сяобао и Ван Вэй никому не рассказывали о хлопнушках. Они просто хотели сделать всем сюрприз. Результат лучше. Это не только удивило, но и напугало людей. Звучит громко и громко, все там, пока граната не горит. Второй раз я повесил кнут.

«Сяобао, что это? Звучит как много движения, и больше, чтобы заработать немного денег». Чжан Ван по-прежнему более экономичен. Когда он увидел, что вещь загорелась, он подумал о деле.

"Мама, эта штука называется фейерверки. Сделать это непросто. Это может быть случайностью. Есть еще люди, которые это знают. Если ты случайно пропустишь рецепт, ты не заработаешь этих денег". Чжан Сяобао и Ван Вейке Я не хочу, чтобы фейерверки стали широко известны сейчас. Я хочу прийти в царский дом и реакция должна быть такой.

«Мой ребенок сказал, иди, пора, поешь пельменей». Чжан Ван думает правильно, больше не играйте в эту идею, войдите в дом с семьей, пельмени также были расставлены, на столе все еще стоит горячий горшок, младший первым подарил старшим новый год и получил красный конверт, который был съеден.

Глядя на энтузиазм взрослых, Чжан Сяобао и Ван Хао должны были взять что-нибудь, что можно было укусить, например, утиную кровь, тофу и баранину. Съев несколько глотков, двое мужчин одновременно отложили палочки для еды и сказали друг другу: «Три года в Кайюане, с Новым годом».

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/57462/2775933>